

Возвращение на место «преступления»

Выставка Юрия Купера в Москве

Юрий Купер — один из самых преуспевающих русских художников, эмигрировавших из России. В 1972 году он отправился в Израиль, потом стал гражданином Великобритании, а теперь живет во Франции. По его собственному признанию, он покинул родную Москву не по политическим причинам, а просто как «молодой человек, который хочет уехать из маленького города, где родился, чтобы увидеть мир, узнать, как живут другие люди».

Купер уезжал без мысли когда-либо вернуться и, сжигая за собой мосты, в 1974 году издал на Западе книгу «Святые дураки в Москве», в которой подробно описал московское житье-бытье своих друзей и знакомых. В одном из интервью, опубликованном уже в 1991 году, известный джазмен Алексей Козлов назвал эту книгу групповым доносом. Он осудил художника, считая, что Купер весьма субъективно описал ситуацию и «бросил тень на разных людей — как на официальных, так и подпольных, непризнанных, чтобы заработать себе деньги и популярность». Сам художник полагает, что все обвинения в его адрес безосновательны.

Приезд в Париж оказался для Купера той точкой отсчета, от которой его признание и слава двинулись в большой мир. Творчеством художника заинтересовался Клод Бернар — крупнейший французский галерист. Посмотрев работы Купера, он пришел к выводу, что нашел клад, и не просчитался. За двадцать лет цена на полотна Купера увеличилась в пятнадцать раз. В Париже Юрий Купер — один из самых дорогих русских художников.

Коллекции работ художника в разное время приобрели Музей современного искусства в Нью-Йорке, Национальный фонд современного искусства в Париже, Музей Метрополитен, Императорский музей в Токио, Пушкинский музей, Третьяковская галерея и другие.

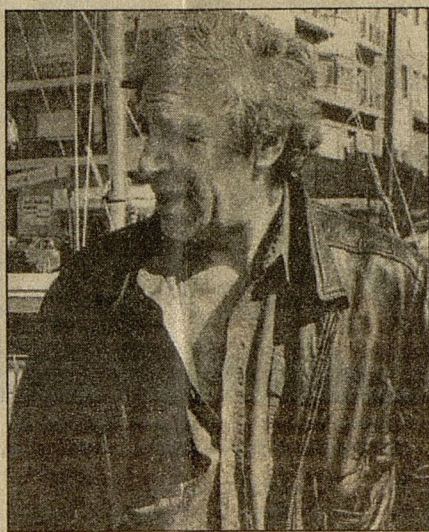
За время жизни в эмиграции у Юрия Купера было более 50 персональных выставок в Израиле, Англии, Германии, Франции, Японии и США. В Москве первая персональная выставка после отъезда прошла в 1995 году в Пушкинском музее, и вот теперь состоялась вторая — в галерее «Дом Нащокина».

Эта галерея, одна из лучших в Москве, продолжает свою художественную политику, стремясь познакомить московских зрителей с русскими художниками-эмигрантами. «Важно, что художники возвращаются к нам не физически, — говорит директор галереи Наталья Рюрикова, — пусть они живут там, где им нравится, а своими картинами».

Выступая на брифинге перед журналистами, Юрий Купер сказал:

— Бытует странное мнение в

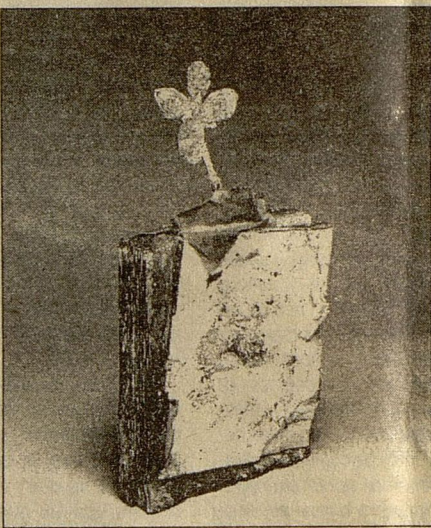
среде уехавших на Запад художников. Зачем возвращаться? Я как-то с этим не очень согласен. Меня, во всяком случае, сюда тянет. Так говорят о преступнике, которого тянет на место преступления. Я здесь родился, вырос, и все мои близкие друзья находятся здесь. Потому что, когда друзья, даже близкие, уезжают вместе туда, за границу, почему-то нарушается эта близость. Все заняты погоней за эфе-

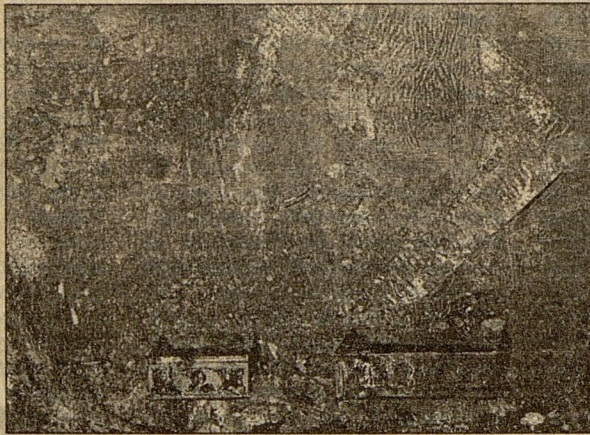
Юрий Купер.

мерным успехом или деньгами. А мои отношения с теми, с кем я вырос или с кем начинал как художник,

до сих пор остались свежими и теплыми. Поэтому я себя чувствую здесь как дома. Работы Юрия Купера на первый взгляд не поражают воображение ни яркостью красок, ни замысловатостью рисунка, ни оригинальностью сюжета. Как сказал о художнике его друг режиссер Александр Митта, «Купер — минималист. Он предлагает вам ничто — воздух, ограниченный квадратом холста. В заключение несколькими уверенными штрихами он наносит очертания какого-нибудь простейшего предмета. ...Но все это выглядит, как если бы вы увидели камень со следами когтей тигра. Охотник понимает ценность такого камня. Для него здесь рассказ о тигре, готовящемся к решающему прыжку. Для прочих — это просто кусок поцарапанного песчаника».

«В идеале вещь должна раствориться. Картина должна постепенно избавляться от формы», — говорит художник.

мерным успехом или деньгами. А мои отношения с теми, с кем я вырос или с кем начинал как художник,

Иногда предметы, возникающие на холсте, нарисованы, в других случаях это реальные вещи — тубики из под краски, линейки, жестяные коробочки, сухие цветы. Порой Купер использует вместо холста треснувшую доску, покоробившуюся металлическую пластину или отслужившую свое палитру. «Я работаю с предметами уже гуманизированными очень долгим использованием, — говорит художник. — Я накладываю на них свою печать, проникаю в их историю, перед тем как полностью овладеть ими».

В начале работы художник использует яркие краски. Затем перекрывает их многочисленными полупрозрачными однотонными слоями, пока не достигается эффект монохромности. Обманчиво серый тон поверхности холста неоднороден. Под ним скрываются многочисленные красочные слои. Такая техника создает ощущение объема.

«Холст начинает как будто вибрировать на ваших глазах, — говорит Александр Митта. — Вы как-то не уверены, что это пространство не меняется ежесекундно... Это все равно как глядеть на звездное небо. Вы хотели бы иметь перед собой кусок мерцающего и бездонного ночного неба в рамке? Вот оно».

Сам о своем творчестве художник написал так:

«Для меня главное — это поверхность вещей. Поверхность приближена к глазу. Эта визуальная техника в один прекрасный момент начинает гипнотизировать, зачаровывать. Именно этот эффект я пытаюсь воплотить. Я уже давно понял, что близость вещи разрушает ее форму и разблужает тайну ее поверхности. ...В идеале вещь должна раствориться. Картина должна постепенно избавляться от формы. Не должно быть посредника между тем, кто смотрит, и самой картиной. Картина должна гипнотизировать так же, как до ее рождения поверхность вещи гипнотизировала художника».

После открытия выставки художник ответил на вопросы корреспондента «РМ»:

— Вы прожили вне родины уже 25 лет, поэтому можете воспринимать Россию несколько отстраненно. Какой она вам видится оттуда, с Запада? Что бросается в глаза, когда вы приезжаете?

— У меня сложилось ощущение, что тот класс, который раньше назывался интеллигенцией, совершенно отошел на задний план. Таких людей почти не видишь, а видишь новый класс богатых. Они темные, но стали привилегированной группой. Ученые, художники, писатели стали чем-то ненужным.

Все эти люди ведут странный образ жизни, как будто они вне общества. Это проблема даже не здешняя, а моя. Раньше я мог понять, с кем имею дело, а теперь, когда я присутствую в компании людей, которые говорят на русском языке, мне даже непонятно, кто они. Я потерял кодовую систему и уже не чувствую, к какому классу принадлежат эти люди и почему они занимают эту позицию.

— Далеко не многие, даже среди по-настоящему талантливых художников, обретают прижизненный успех. В чем секрет вашего взлета? Это закономерность или тут есть элемент везения?

— Это миф, который бытует среди несведущих людей, миф о том, что существует масса непризнанных талантливых художников. Это неправда. Во-первых, талантов вообще немного, и только люди, которые в этом ничего не понимают, могут утверждать, что их много.

Когда-то один известный французский пианист и композитор спросил меня: «Юра, почему так много талантливых художников и так мало талантливых композиторов?» Я ответил: «Это оттого, что вы хорошо разбираетесь в музыке и ничего не понимаете в живописи».

Мне кажется, что непризнанных гениев не бывает. Это выдумки обывателей.

Признание художника связано прежде всего с оценкой его товарищами по цеху. Если художник признан другими художниками, значит, его уже оценили по достоинству. Если его не признают зубные врачи или адвокаты — это не имеет значения. Поэтому как только появляется талантливый художник, он сразу же становится признанным и узнаваемым. А то, что многие думаю о себе, что они талантливые, но не признанные, что им не везет, — это их личное дело.

— Но в России, например, есть такие художники, которые остаются нищими, несмотря на то, что их работы приобретают музеи. Они признаны товарищами по цеху, но богатые обыватели их не покупают. На Западе такое возможно?

— Конечно. Есть художники, которые продают свою продукцию только музеям, и постепенно их начинают выставлять в галереях, а есть такие, которые продаются в галереях, но не замечаются музеями. По-разному складывается. Это зависит от желания художника, от того, кем он хочет быть.

Когда официальным искусством в России был соцреализм, то художнику, работавшему в другом стиле, не давали заказов, не платили, его не покупали музеи. Такой художник искал иную публику, других зрителей. Он продавал картины иностранцам, занимался иллюстрированием книг или работал в театре.

На Западе происходит то же самое. Существует так называемое официальное искусство, которое скупается музеями, а есть худож-

«Русская мысль»

ники, которые как бы вне этого. Все зависит от того, как художник распределяет свои возможности, к чему он стремится.

Если бы я хотел, чтобы меня больше покупали музеи, мне пришлось бы бросить занятия живописью и переключиться на концептуальное искусство. Делать какие-то хеппининги. Эпатировать публику. Потому что заниматься живописью на сегодняшний день довольно-таки глупо.

— Это старомодно?

— Да.

— Будет ли возврат к живописи, как вы полагаете?

— Говорят, что будет. Не знаю. Я всю жизнь занимаюсь живописью, и мне, во всяком случае, уже поздно что-то менять, мне для этого слишком много лет. Хотя на данный момент живопись мало кого интересует.

— И все-таки вашими работами интересуются и еще как. Вы что-то предпринимали для того, чтобы вас заметили, помимо того, что рисовали?

— Рисовал, писал, показывал работы, ходил иногда ужинать или обедать с галерейщиками. Но это было вторично. Конечно, это не значит, что я поставил бутылку водки и меня взяли в галерею.

— Вы сейчас очень богатый человек...

— Что значит богатый?

— Ваши картины продаются очень дорого.

— Это не значит, что я богатый. Тут тоже все относительно.

— И все-таки, по сравнению с тем, что было в России...

— Да, конечно.

— Как вы считаете, деньги это искусство, проклятие или наоборот — свобода, возможность делать, что ты хочешь?

— Второе. Свобода.

— Что для вас символизирует серый цвет?

— Ничего. Просто я люблю монохромные отношения. Мне нравятся черный и белый. Я люблю и красный. Все зависит от того, какой красный. Вообще я предпочитаю сложный цвет открытому. А серый это нечто среднее между черным и белым. Здесь есть широкая палитра оттенков.

— В каждом обществе есть свои особенности, вещи, которые раздражают, отталкивают. Вам не нравится что-нибудь во французях?

— Что раздражает? Это мои проблемы, у них-то, французам, все в порядке. Нам всегда кажется, что что-то не в порядке с другими, но на самом деле это все в нас.

Если ты вырос в таком городе, как Москва, или в Нью-Йорке, то во Франции у тебя появляется ощущение, что ты имеешь дело с провинциалами. Французы очень сдержанные, они наблюдают за вами, не задают вопросов, потому что боятся выглядеть глупыми.

У американцев, выросших в Нью-Йорке или других больших городах, наоборот, необыкновенно легкое общение. Они задают тебе вопросы, интересуются. Как только познакомишься, сразу начинают спрашивать, что ты делаешь, чем живешь, сколько зарабатываешь... Создается впечатление, что им на самом деле интересно что-то про тебя. Это не совсем так, но такая форма общения.

А француз задаст вопрос и тут же отворачивается в сторону. С другой стороны, зачем обязательно реагировать на себе рубашку и рассказывать первому встречному всю свою жизнь. Это очень по-русски. От этого тоже хочется иногда куда-нибудь убежать. Я не испытываю потребности в душевных разговорах.

Короче, проблема не в них, а в нас. Раз уж живешь в их стране, надо принимать их правила. Со своим уставом в чужой монастырь не приходишь.

ЮЛИЯ КРАСИКОВА

Москва